

«Скорбен лик у Иванова...»

В ТВОРЧЕСКОЙ
МАСТЕРСКОЙ

КОГДА Александр Иванов появляется на голубом экране, выходя на эстраду для чтения своих новых пародий, наверное, не один поэт подумает: а не стали ли его стихи целью сатирических стрел?

Меткие, острые, «не в бровь, а в глаз» пародии Александра Иванова известны сегодня многим читателям. Не залежались на книжных полках его книги. Популярность приобрел поэт-сатирик и как постоянный ведущий телепередачи «Вокруг смеха».

По просьбе читателей «Учительской газеты» наш корреспондент Н. Новикова встретила с писателем. Разговор, естественно, начался с проблем воспитания...

— Говорят, что смех — сильнодействующее оружие, что «смехом — лечат», «смехом — воспитывают». Действительно, цель сатиры — искоренять недостатки, эффективно бороться с ними. В чем вы видите воспитательную функцию пародии?

— Что представляет собой пародия? Ведь, по существу, это — критик, исследователь, литературовед, не так ли? Но свои критические замечания он выражает в специфической литературной форме. Мой «стаж» в этом жанре — вот уже 20 лет. С тех пор как я начал писать пародии, выступаю с ними и на концертной сцене. Мне часто говорят: «Ну, вот вы написали пародию, высмеяли человека. Что, лучше он стал писать от этого?». Нет, конечно, если это бездарь — ему никакой пародией не поможешь. А вот умный, талантливый человек всегда серьезно относится к критике в любом виде и жанре.

Но у пародиста есть важная миссия — разоблачить перед читателем пошлость, убожество, штампы. Показать несостоятельность какого-то напыщенного графомана — вот воспитательная функция сатиры. И если люди смеются, если они негодуют вместе со мной — значит, я достиг цели...

— Читателей «УГ» интересуют ваша творческая лаборатория. Скажите, пожалуйста, а как вы работаете?

— Моя работа заключается в том, как ни странно, что я — читаю. У пародии — маленький объем, но за кажущейся легкостью малой формы скрывается очень многое. Читать, читать и читать — вот что я обязан делать каждый день.

Обычный стиль моей работы таков: знакоюсь с новинками литературы, делаю для себя пометки, выписки и постепенно складывается план. То есть, я ищущий — не ища. Повод для пародии возникает сам собой. И тогда — перо в руки!

— Александр Александрович, неужели вам незнакомо чувство сострадания по отношению к своим «жертвам»?

— Хирург не от злости ведь «режет» больного. Жалко — не жалко, здесь это не принимается в расчет. Ради Литературы приходится конфликтовать с теми, кто в текучке буден забывает о высоком предназначении писателя, приходится разоблачать и ту «литературу», которая, не являясь таковой, хитро маскируется под настоящую...

Однако публикация пародии — не приговор, который «обжалованию не подлежит». Никому ведь не говорят: «Вот появилась пародия на ваши стихи, так мы вас больше печатать не будем!». Печатают же...

Кроме того, я вовсе не считаю себя непогрешимым судьей. Хотя, безусловно, стремлюсь к абсолютной объективности — пародисту без этого невозможно — но, наверное, случается, и меня подводит чувство меры и вкуса...

— Часто приходится слышать и читать, что сатирики — в жизни люди весьма суровые, не улыбкающие. Когда вы — сдержанный, строгий, сосредоточенный, выступаете с эстрады, можно, пожалуй, в это поверить...

— Не думаю, чтобы это пространное мнение было «правилом без исключения». Сам я, несмотря на ваше впечатление, человек весьма смешливый: всегда рад посмеяться над остроумным анекдотом, смешной историей, люблю кинокомедии. Считаю себя человеком доверчивым и добрым, хотя некоторые находят меня желчным, злым, но это идет, скорее, рикшетом от написанных мной пародий, нежели от личного общения. Открою секрет: когда-то я сам начинал со стихов. Сейчас с ужасом думаю — что было бы, если бы они были напечатаны? Слава богу, что до этого не дошло — иначе у «обиженных» был бы отличный способ «расквитаться» со мной.

— Как вы оцениваете телепередачу «Вокруг смеха»?

— Это так называемая «развлекательная» передача, придуманная литературно-драматической редакцией ЦТ, где искали новую по своей форме концертную передачу. Иногда нас спрашивают: что же вы не могли придумать лучше? Это же обыкновенный концерт!

— Да, по сути это концерт, если в зале сидит публика, а представители юмористического цеха — на эстраде. Но вот за три года уже состоялось 13 передач.

Какие можно подвести итоги? Судя по зрительской почте — передача нравится, передачу смотрят. Но, конечно же, не все нас правильно понимают — это естественно, ведь чувство юмора не в одинаковой мере присуще всем: одному смешно, а другой — недоумевает. Меня, например, часто ругают за любимых поэтов. Вообще, почта моя довольно обширна.

Основная часть писем это — стихи, пародии, рассказы, о которых «начинающие литераторы» просят меня высказать свое мнение. Как правило, в конце письма нахожу и неизменную просьбу — помогите опубликоваться. Сами понимаете, подавляющее большинство — нигде не годные произведения. Случается, читатели обращают мое внимание на то или иное «явление» литературы, советуют, спорят по поводу моих пародий. Эти письма, конечно же, предпочтительнее, и они весьма помогают в работе, так как устанавливается «обратная связь» с читателем, хоть и на расстоянии общается с ним, но всегда чувствуешь человека заинтересованного, начитанного, не равнодушно...

— Скажите, пожалуйста, а не случилось ли вам «открывать таланты»?

— Был такой случай. Лет десять назад, когда в журнале «Москва» я работал на догворе, в редакцию пришел очень приятный, интеллигентный наружности автор и принес юмористические произведения. Я прочитал и — сразу понял, что написанное им очень талантливо. Но удивительно было

другое. Ему было уже 60 лет... Сейчас Ростиславу Николаевичу Соломко — так его зовут — 70 лет, и только что у него вышла в Ярославле первая книжка под названием «Жизнь? Обыкновенная». Думаю, она доставит немало приятных минут читателям. Но этот случай сам по себе — редкий. Чаще всего приходят не талантливые, но таковыми себя считающие...

— Вас, должно быть, особенно удручает эта категория авторов?

— Давайте называть вещи своими именами. Графоман, как правило, нагл и самоуверен. Как относиться к этому явлению? Один главный редактор, например, рассказывал: журнал получает сотни рукописей, из почти печатается лишь двести процентов, и то это не всегда хорошие вещи, чаще весьма уязвимые с точки зрения литературного мастерства. Судите сами — это зло или нет?

Или еще пример. Недавно в «Литературной России» приводилось одно письмо, где было сказано: «Я могу создать произведение, такое же, как «Мать» Горького, только помогите справиться с орфографическими ошибками. Я — рабочий, знаю эту жизнь изнутри, знаю о ней все». Вот видите, какой довод: я — знаю, а тот факт, что он — не художник, не принимается в расчет. Мало — знать, надо — мочь, надо «искру иметь» — сколько уж об этом говорилось! Почему-то никому не приходит в голову садиться за концертный рояль, если ты — не музыкант, и считать себя Бетховеном, если ты ничего в этом деле не смыслишь. А вот — Горьким, оканчивается, можно...»

Как с этим бороться? Была на этот счет разные предложения, например, и такое весьма забавное — издавать журнал, который бы так и назывался «Графоман». Причем, не платить гонорар, а, напротив, брать деньги за публикацию.

— И вы полагаете, что этот журнал состоялся бы? Боюсь, что желающих печататься в нем не нашлось бы, ведь самый отпетый графоман таким себя не считает.

— Задумайтесь: в стране «книжный бум», множество книголюбов бережно собирают свои библиотеки, часами стоят в очередях за книгами, а зайдете в любой книжный магазин и вы увидите, сколько книг пылится на полках и прилавках. Их никто не покупает, они никому не нужны... Это серьезная государственная проблема, поскольку речь идет о государственных средствах, о бумаге. Надо поставить прочный заслон литературе серенькой, посредственной, чтобы не снижать высокий воспитательный смысл настоящей литературы, чтобы не плодить бумагомарателей. Графоман — это духовно развращенный человек, потому что, презрев свою основную профессию, делая свое дело по принципу «и так сойдет», он стремится к престижу, к славе незаслуженно.

— И последний вопрос. А приходилось ли вам оказываться в роли «объекта» для сатиры и юмора?

— Приходилось и не раз. На меня писали эпиграммы. Разные — хорошие и плохие. Предлагаю вашему вниманию самую «свежую», написанную Фазилем Искандером.

Скорбен лик у Иванова,
Хоть пиши с него святого.
Благодушен в скорби он,
Как весенний скорпион.